

Павел Чук

ОТСТАВНИК 3

Отставник

Павел Чук
Отставник 3

«Автор»

2023

Чук П.

Отставник 3 / П. Чук — «Автор», 2023 — (Отставник)

Победа не всегда означает быть первым, победа — это когда ты стал лучше чем был.

© Чук П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Павел Чук

Отставник 3

Глава 1

Начальник Генерального штаба генерал-армии Жариков Виктор Семёнович торопливо шёл по коридору. Только что поступивший доклад с поста внешнего наблюдения заставил его не использовать для связи с министром проводную связь, а лично прибыть с докладом.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Что-то случилось, Виктор Семёнович? – отвлёкшись от разбора документов, осведомился министр.

– Случилось, Станислав Юрьевич. Пост внешнего наблюдения передал, что инопланетяне спешно покидают условленное место встречи.

– Может, ошиблись? Встреча состоится через десять часов.

– Ошибиться не могли, товарищ генерал. Кроме того, это ещё не вошло в сводку, они нанесли массированный удар по квадрату, где располагается один из удалённых входов в «Метро-4000».

– Где именно? – на планшете министр развернул подробную карту.

– Здесь, по этому квадрату полчаса назад нанесён массированный удар, – ткнул стилусом начальник генштаба.

– Окрестности Иркутска, – задумчиво произнёс министр и вывел справку по этому району. Не всё он помнил, да это и не нужно. Вся необходимая информация с пояснениями и сопутствующей информацией находилась в управленческом планшете, что имелся у каждого высшего офицера. От «железа» до программного обеспечения всё это отечественная разработка с многократно дублированной системой безопасности и возможностью безвозвратного самоуничтожения записанных баз данных. В первое время были случаи неосторожного уничтожения секретной информации, но такой параноидальный подход оправдывал себя. Лучше уничтожить информацию, чем она попадёт в руки вероятного противника. – По плану это место эвакуации ракетного дивизиона, что располагается поблизости, – изучив короткую справку, произнёс министр. – Может, кто из ракетчиков выжил и попробовал эвакуироваться?

– Данных нет. Удар был орбитальный, массированный и по конкретному квадрату, что перекрывает координаты входа двойным перекрытием.

– Они успели укрыться? Мог кто-то выжить?

– Трудно сказать. Связи с этой веткой не было изначально. Я отправил туда группу быстрого реагирования. Но туда только сутки на электропоезде, а потом назад и это если без противодействия.

– Понятно, что ничего не ясно, – задумчиво произнёс министр, но его интересовал больше другой вопрос. – Эти, как их там, анторсы как-то объяснили свои действия? Может, у них принято проводить переговоры так скажем, один на один?

– На связь не выходят.

– Разрешите, – в кабинет вошёл адъютант, – срочное сообщение.

– Что там?

– Третья линия, – произнёс адъютант и удалился. Министр взялся за трубку телефона, жестом давая понять собеседнику, что разговор не закончен и предлагает ему подождать, но не выходить из кабинета.

– Шевцов на проводе.

– Товарищ министр, установлена связь с АПЛ «Воронеж»! – радостно сообщили в трубке.

– Соединяй, – ответил Шевцов и чуть тише произнёс, – хоть какая-то хорошая новость, – но с каждой минутой, пока он слушал доклад, его лицо мрачнело. – Принято. Оставайтесь на связи! Будут координаты.

Министр положил трубку проводного телефона и непродолжительное время смотрел на начальника Генштаба. Тот не выказывал нетерпения, а просто ждал, зная, что сейчас принимается если не судьбоносное, то очень важное решение.

– АПЛ борется за живучесть, – встав с места, заговорил Шевцов. Короткими, рублеными фразами он озвучивал фактическое положение дел на подлодке, – . . . носовые и кормовые горизонтальные рули заклинило. Цистерна главного балласта повреждена и, лодка медленно погружается на дно. Глубина в квадрате, где они нарезают круги, шесть – восемь тысяч метров. У них примерно сутки, пока не лягут на дно.

– АПЛ не может лежать на дне, – тут же возразил Жариков.

– Знаю! Не говори прописные истины! Нам срочно надо найти решение, но я вижу единственное. Им мы не поможем, просто нечем. Капитан отдаст приказ покинуть корабль во всплывающей спасательной камере, но глубина. . .

– У них по штату двадцать четыре межконтинентальные баллистические ракеты, – быстро заговорил Жариков, поняв идею министра, – и если до настоящего времени её не засекли, то есть шанс, что система пуска сработает. Апогей траектории, если не ошибаюсь, тысяча километров.

– Тысяча двести, – машинально поправил Шевцов, продолжая прохаживаться по кабинету. – Адъютант, начальника разведки и. . . – тут министр замешкался, так как хотел вызвать начальника РВСН, но тот числится пропавшим без вести. – И полковника Струкова, ко мне. Срочно!

Шевцов продолжал нервно прохаживаться по кабинету, ожидая пока придут вызванные лица. О том, что необходимо доложить Президенту о возможном срыве переговоров, он понимал, но и торопиться с выводами не спешил.

– Виктор Семёнович, распорядись чтобы придержали выход группы, отобранной для контакта.

– На какой срок?

– До моего особого распоряжения, – недолго думая, уточнил министр. – Пусть будут в состоянии готовности «Ноль», но без моего приказа к месту не выдвигаться.

– По времени группа должна быть в районе Пензы, на объекте.

– Знаю. Пусть не выходят на поверхность.

– Вызывали? – дверь кабинета отворилась.

– Да, проходите, товарищи. . .

Верховный представитель с утра был не в духе. Произошедшая трагедия на корабле-заводе сильно сдвигала намеченный план начала следующей стадии операции вторжения и что самое неприятное, до сих пор не смогли установить, было ли это диверсией или трагической случайностью.

– Кто? – как только в каюту вошёл помощник, осведомился Ашш Хонс.

– Мой генерал, прибыл начальник разведки.

– Проси.

– Верховный представитель!

– Без церемоний, ашш Иссааш. Присаживайся. Разговор будет долгим.

– Мой генерал, – не отступая от официального тона, начал свой доклад генерал, – по состоянию на сегодня безвозвратные потери среди клонов...

– О потерях потом. Есть результат, кто это совершил?!

– Верховный представитель, согласно вашему приказу к расследованию происшествия на корабле-заводе привлечены Одарённые. Они однозначно дали заключение, что это не роковая случайность, а диверсия. Как докладывали ранее, и эта информация подтвердилась, что это совершил одиночка... – впервые ашш Иссааш видел командующего в таком отвратительном настроении, что неудивительно. Когда осталось буквально считанные местные дни до старта следующей стадии захвата планеты, пусть и один, но немаловажный центр производства практически выведен из строя. А их – кораблей-заводов на корабле-матке больше не осталось и компенсировать эту потерю будет невозможно. Потери среди клонов различных специальностей можно восполнить, но что делать с производственным оборудованием, что безвозвратно потеряно или на долгое время выведено из строя. Да и о потерях среди истинно живых забывать не стоит, и ашш Иссааш в своём докладе сделал акцент на самое важное, что беспокоило каждого, – ... диверсию совершил хоск!

Реакция командующего была предсказуема. Он резко встал со своего места.

– Информация точная?

– Мой генерал, Одарённые встретились с каждым истинно живым, что чудом выжил, находясь на корабле-заводе и по отдельным фрагментам воссоздали полную картину происшествия. Они единогласно утверждают, что совершивший это – хоск. Со своей стороны, я проверил факты, и они до мельчайших деталей, вплоть до минут, совпадают с уцелевшей информацией с камер слежения.

– Он опять был один?

– На объект проник один. Одарённые сейчас занимаются с пленными работниками, ищут сообщников.

– Много аборигенов выжило? – удивился командующий.

– Потери среди них не учитывались, но на первый взгляд не столь велики. Я могу распорядиться уточнить.

– Не надо, но поручи... – не успел закончить фразу командующий, как рёв боевой тревоги оглушил пространство.

Оба офицера на мгновение замерли. Боевая тревога на флагмане сил вторжения звучала единожды, когда массивный корабль входил в атмосферу планеты. Даже во время воздушных атак аборигенов тревога на всём корабле не поднималась, только дежурные группы сил противодействия получали сигнал к вылету или занятию постов боевого охранения. Но сейчас сигнал боевой тревоги звучал по всему кораблю.

Главкомандующий кинулся в соседнюю каюту, где находился пост внешнего наблюдения, за ним проследовал и ашш Иссааш.

– Доклад! – войдя, произнёс командующий.

– Верховный Представитель, атака извне не фиксируется! – судорожно доложил дежурный офицер, продолжая лихорадочно всматриваться в экран управления и контроля.

– Может ошибка или ложная тревога? – робко предположил ашш Иссааш.

– Ошибка, ложная тревога?! – недовольно поморщился командующий. После его назначения Верховным Представителем отношение к нему высших офицеров изменилось. Все так же исполняли приказы, отчитывались о выполненных мероприятиях, но поднявшись на одну ступень в иерархии, достигнув той высоты, что недостижима для любого истинно живого, он словно вожак бежал впереди стаи и не было никого, кто бы помог, подсказал или подстраховал в трудную минуту. От него ждали решений, приказов и... побед. Но инициатива на местах постепенно сходила на нет. В последнее время ему приходилось ставить приказ настолько

подробно, вникая, в частности, и мелкие детали, что на подготовку он тратил слишком много времени. – Немедленно разберись!

Не успел он отдать приказ, как в каюту вбежал помощник.

– Мой генерал!

– Что? Кто нас атакует, почему поднята тревога по всему кораблю? – набросился на помощника главнокомандующий.

– Мой генерал, на корабле захвачен посторонний! Предположительно – хоск!

– С-щуки! – прохрипел сквозь зубы, пока, повинувшись преданному горизонтальному ускорению, летел в темноту. Гулкий удар от соприкосновения с холодным металлическим полом, и я едва не теряю сознание. Сколько времени, какой день меня допрашивают, применяя изуверские методы, я просто на просто сбился со счёта, часто выпадая из реальности. Но каждый раз спасительное беспомыслие, где отсутствует боль, отступало, повинувшись изошрённой воле мучителей.

Ведь правду говорят, что тесен Мир. Надо же было такому случиться, встретить единственного врага, который знает тебя в лицо в узком коридоре и ладно бы один на один, но нет, меня под конвоем куда-то ввели. И как только анторс, выпучив глаза, отшатнулся от меня, крича, что-то нечленораздельное, я потерял сознание, не успев и шагу ступить или что-либо предпринять. Очнулся в пустой комнате с ребристыми стенами. Тусклый свет с потолка и абсолютная тишина. Я слышал, как по венам течёт кровь. Не говоря о том, как учащённо бьётся собственное сердце. Звук ударов природного насоса раздавался в ушах, нагнетая панику. Каждый удар сердца, каждое движение своих чресл я слышал. Слышал, как натягиваются мышцы, слышал, как изгибается сустав, а ведь только хотел пошевелить пальцем. И этот непривычный для человека шум, что в обыденности не замечаешь из-за окружающего фона внешнего мира, давил на психику так, что сознание провалилось в спасительное забытие.

Пришёл в себя от русской речи. Кто-то с непривычным акцентом говорил.

– Кто ты? Имя, звание! Как здесь появился?! Отвечай! Или вновь окажешься в... непонятно. Ты меня слышишь? Понимаешь? Говори... непонятно!

Едва успел открыть глаза, как получил сильный удар в лицо. Голова откинулась назад, и я был бы рад потерять вновь сознание, а лучше умереть, но беспомыслие не наступало. Удары наносились грамотно, не калеча, но причиняя максимальную боль. То удар по печени, то удар по почкам, потом вновь по лицу. Я уже мысленно взмолился, прося скорой смерти, но удары прекратились. Послышался шум, и через мгновение боль ушла, а сознание прояснилось. Я открыл глаза и увидел, как кто-то отцепляет от левого предплечья небольшой прибор.

«Обезболивающее ввели, черти», – понял, окинув взглядом комнату. Я вновь привязан, сижу на стуле, но комната другая. Большая, светлая. Стены ровные с металлическим блеском. «Я всё ещё на корабле», – ухмыльнулся своей мысли. А куда б меня отвезли, если, кроме космических кораблей, что с непонятной закономерностью, распределены на континентах, у анторсов ничего нет. Пока ничего нет. Прислушался к разговору. Беседовали трое. Один, видимо, старший, задавал короткие вопросы и получал ответ. Говоривших я не видел, так как сидел привязанный в центре комнаты лицом к стене, а не к входной двери. Из доносящегося разговора я совершенно ничего не понимал, но и так ясно, что говорили обо мне. Осторожно попробовал освободиться, но меня связали крепко, даже не связали, а когда опустил глаза вниз, понял, что мои руки и ноги прикованы. А туловище, на уровне груди опутывает широкий пояс.

Я не ошибся, через непродолжительное время в поле моего зрения оказались трое. Один из них заговорил. И этот голос я уже слышал. Но он говорил на каком-то непонятном мне языке. Я только и смог, что покачал головой. Говорить или отвечать совсем не хотелось. Надеюсь, что своим молчанием выведу из себя надзирателей и получу долгожданную награду –

смерть. В моей ситуации именно смерть была наградой. Бежать при таком присмотре, после перенесённых ран я всё равно не смогу. Да, сейчас действует обезболивающее, но как только оно потеряет свои свойства, меня вновь накроет болью от сломанных рёбер, отбитых почек и печени. Я чувствовал, как левый глаз начинает заплывать кровоподтёком, но вместо тянущей боли я чувствовал холодок.

– Кто ты? Имя, звание! – прозвучал вопрос, но теперь на русском. – Ты меня понимаешь?

Не удержался, и растянув на лице улыбку, едва заметно кивнул. Анторсы обменялись длинными фразами. Я ничего не понимал. Они говорили слишком быстро. Но как только двое важных истинно живых ушли, для меня начался ад. То комната, от абсолютной тишины которой медленно сходишь с ума, то другая комната, но не менее ужасная, где вместо привычных методов физического давления меня то обкалывали какими-то препаратами, что от боли у меня крошились зубы, а волосы сами выпадали, оседая большими локонами на плечах, то погружали в, возможно, наркотический транс, где нет ни боли, ни страха, только ощущение всемерного счастья и благодати. Такое непредсказуемое чередование изощрённых способов пыток любого сведут с ума. И я был на грани. Сначала пытался считать, сколько раз побывал в комнате абсолютной тишины, сколько раз проваливался в беспамятство, сколько раз ощущал безграничное счастье, но все попытки вспомнить проваливались. И вот сейчас, не помню в какой раз очутился на холодном полу одиночной камеры. Растёр затёкшие с рубцами от оков руки. Подтянул к себе ноги, осмотрел их. Обезболивающее продолжало действовать, и я с содроганием ожидал отката, когда препарат перестанет действовать. Жутко хотелось спать и пить. Но ёмкость с водой должна стоять в дальнем углу и необходимо преодолеть каких-то несколько метров до живительной влаги, но сил попросту не осталось. Всё это время я балансировал по грани, проваливаясь, уходя за ту черту, откуда нет возврата, но меня вновь возвращали.

Подполз, не без труда преодолел разделяющее расстояние от живительной влаги. И не ошибся. Наполненная ёмкость с водой стояла там, где и обнаружил её в первый раз. Есть не хотелось. Подозревал, что меня кормят, точнее, поддерживают физиологическую жизнь организма посредством препаратов, что каждый день вкалывают. Но после них очень сильно хочется пить, и я присосался к бутылке, и только когда оставалось совсем немного, заставил себя остановиться. Надо оставить немного на потом, да и умыть лицо не мешает. Прислонился к стене, закрыв глаза. Сколько я ещё выдержу этих пыток? День, два, неделю? Почему никак не могу покинуть этот бранный мир. Я – Гена Бес, я – капитан Глен, хоск по рождению. Почему, по чьей воле я никак не могу раствориться в абсолютном ничто, став безликой частицей чего-то, чему нет адекватного определения ни в одном из языков Вселенной. Но вопросы, зывание к памяти Глена, к неведомой всеильной силе не давали результатов. Единожды затуманенный разум мне преподнёс «подарок». Я увидел того, с чьей сутью я стал единым целым. Его образ проявился из обволакивающего чёрного тумана. Суровое лицо со множеством шрамов смотрело на меня, а из глаз текли слёзы. Слеза, одна за одной, стекали, образуя мокрые дорожки на мужественном лице моего второго... Нет, не второго, а единого со мной «Я».

Не удержался и ухмыльнулся пришедшей идее. А ведь позывной, данный мне в училище от слова «Бессмертный», а не от слова «Дьявол». Вот тут меня накрыло. Истеричный смех до слёз так и вырывался из меня, обжигая лёгкие, что пришлось закашляться.

– Тебе весело?! – неожиданный вопрос застал меня врасплох. В дверном проёме стоял анторс, что во время допроса постоянно находился рядом и являлся переводчиком. Он шагнул внутрь, и свет в камере стал ярче. Пришлось поморщиться.

– Ты всех нас удивил, Глен, – продолжал тот, а от произнесённого имени я вздрогнул, – даже Одарённые не пришли к единому мнению, кто ты... местный абориген или уроженец Горгогоханской империи – хоск по рождению. Всё так переплелось в твоём сознании, что, пожалуй, впервые они не смогли дать однозначный ответ.

Зрение привыкло к яркому непривычному спектру освещения, и я впился глазами в говорившего, в мыслях прокручивая варианты, как с одного удара его отправить на тот свет, а он продолжал:

– Сейчас тебя заберут и поместят в медицинскую капсулу. Не благодари. Перелёт ты можешь не выдержать, таково заключение наших медиков, а потом ты предстанешь перед Советом, и я тебе не завидую, – уже поворачиваясь к двери, через которую входили пара анторсов-клонов, он неожиданно для меня остановился и спросил, – во время допроса первой степени ты часто говорил слово: «Со-фí». Кто или что это? Я так и не понял. Это имя или кодовая фраза?

Меня резко подняли и потащили, а на моём лице застыла улыбка.

София, Софочка, Софí – девочка, что, стоя у окна, провожала меня из интерната. Что с ней, жива ли она? Не знаю. Но тёплое воспоминание о проведённых годах в спецшколе не покидало меня всю дорогу до медицинского блока. Так, с улыбкой на лице меня погрузили в медикаментозную кому.

Глава 2

– Товарищ капитан первого ранга, задача выполнена. Расчётное время поиска истекло, нас не нашли, – доложил старший помощник.

– Подтверждение исполнения приказа пришло? – осведомился командир.

– Никак нет!

– Тогда ждём подтверждения.

Сколько раз командир АПЛ «Воронеж» – капитан первого ранга Щеглеватых Степан Сергеевич прокручивал этот момент в голове и не счесть. А ведь согласно плану учений, имел полное право отдать приказ на отбой учебной тревоги и выйти на связь с надводными кораблями, что в это самое время искали его, но не смогли найти. По какой-то неведомой причине или излишней осторожности он не вышел на связь и не отключил оборудование, что проходило испытание в этот самый момент. А через буквально четверть часа мир перевернулся, разделив прошлое и будущее на «До» и «После».

В то, что превратилось слово «После» поверить было трудно. Вначале мощнейший надводный взрыв оглушил БЧ-7, а последовавший за ним подводный взрыв вывел из строя вертикальные рули, и лодка застряла на глубине более одного километра в районе боевых учений. Связь отсутствовала напрочь, а доклады о повреждениях на подлодке сыпались один за другим. Выпущенный аварийно-спасательный буй, не успев всплыть, перестал передавать сигналы бедствия меньше чем через минуту, о чём с непонимающим взглядом и нескрываемым удивлением доложил помощник. Но это всё цветочки. Повторный подводный взрыв вывел из строя горизонтальные рули и лодка, повинувшись законам физики, стала кружить на глубине, нарезая круги.

– Что думаешь, командир? Началось? – только на вторые сутки борьбы за живучесть удалось собраться высшим офицерам и относительно спокойно поговорить.

– Скорее всего. Другого варианта не вижу. Сам слышал доклады БЧ-7. Связи нет, эфир чист, словно нет ни единой рабочей радиостанции. Только помехи.

– Может это не...

– Каптри не начинай, бредни твои надоели, – вмешался в разговор старший инженер, – а то начитался книжек...

– Прекратить! – пресёк начинавшуюся перепалку Щеглеватых, – командирам БЧ доклад, только короткий.

– БЧ-1. Вооружение в норме, повреждений нет. Раненых нет, – коротко доложил командир пусковых установок ракет.

– БЧ-2. Торпедные аппараты в норме, двое ранены, один погиб, – доложил капдва...

Сухие, короткие доклады командиров боевых частей рисовали неутешительную картину, но ни у кого не возникло желания воспользоваться ВСК¹. Лодка сохранила боевую мощь и покидать её в таких обстоятельствах преступно. Пусть она застряла на глубине и без ремонта не имеет возможности идти прямолинейно, только ходить по кругу диаметром в несколько десятков миль, но пока сохраняется хоть малейшая возможность сохранить лодку, они будут пытаться это сделать.

– Водолазы выходили, что с рулями? – зная ответ, но желая подчеркнуть серьёзность ситуации не совсем точно задал вопрос командир. Остальные офицеры пока не знали результата, а самому озвучивать ему не хотелось.

¹ ВСК – всплывающая спасательная камера.

– Для водолазов глубоко. Осмотрели корпус беспилотными глубоководными аппаратами. Без сухого дока не починим. Что вертикальные, что горизонтальные заклинило. Их так погнуло, что не знаю, как только корпус выдержал удар.

– Среди матросов об этом не распространяйтесь. Штурман, при таких исходных данных можешь проложить курс к ближайшей нашей базе?

– К базе точно не получится, но ближе к берегу постараюсь...

Дни, недели слились в один день. Работы по восстановлению прямолинейного хода лодки ни к чему не привели, и сбавив ход, она продолжала медленно кружить в районе боевых учений. Штурман пытался проложить маршрут, но все его попытки хоть как-то учесть множество факторов, будь то подводное течение или сопротивление воды, скорость, заклинившие в невообразимом положении рули не приносили успеха. Не помогала и мощная вычислительная машина – помощник штурмана. Не было в её памяти алгоритмов расчёта такого варианта событий и приходилось считать, разделяя задачи на отдельные составные части, а большую часть вычислений производить вручную, используя обычный калькулятор. Постоянное сканирование радиоэфира, прослушивание морского дна не давали никаких результатов, но на вторую неделю пост акустического контроля доложил:

– Товарищ командир, слева по курсу фиксируются неустановленные шумы! Цель надводная.

– Что значит неустановленные?

– База данных их не распознала. Но шумы не животного происхождения, отчётливо слышен металлический всплеск.

– Боевая тревога!

Только успел отзвучать положенное время ревун, как вся лодка содрогнулась от мощного подводного взрыва...

– Командир, это война, – вновь собрались командиры БЧ.

– Знаю, но целей нет. Я вскрыл пакет с кодами пуска ракет, но они устарели. Система пуска на них не реагирует.

– А как же «Периметр»? Почему не было пуска командной ракеты?

– То-то и оно, вопросов больше чем ответов.

– Товарищ командир, разрешите доложить, – в каюту вбежал матрос и, не дожидаясь разрешения, выпалил, – лёгкий корпус пробит, цистерна главного балласта повреждена. Забортная вода заполняет балласт.

И тут все заметили, что лодка медленно кренится с дифферентом на нос...

Прошло без малого два месяца с тех событий. Экипажу с большим трудом удалось сохранить живучесть подводного крейсера. Главный реактор работал, утечки радиации не было, но ход восстановить не удалось, а самое неприятно и что мучило командира – отсутствие связи.

Степан Сергеевич задумчиво крутил в руках наградной пистолет. Его рукоятка приятно лежала в руке, а гравировка на затворе: «Командуешь – не унижай. Подчиняешься – не унижайся.» теребила душу. Впервые мысль покончить с собой пришла к нему после очередной неудачной попытки активации системы запуска баллистических ракет. Конечно, цели с большой долей вероятности устарели, но система даже не пропускала коды для проведения штатной диагностики. Ни старший помощник, ни командир соответствующей БЧ не могли пояснить, почему коды не активируют заложенный алгоритм. Следующим серьёзным ударом стало известие о смерти младшего офицера. Молодой парень, лет двадцати пяти – пилот глубоководного роботизированного комплекса, что неоднократно осуществлял выход и осмотр корпуса лодки. Ладно бы он погиб при исполнении, но нет – он повесился. Его тело нашёл дежурный

офицер, что проводил обход лодки. И после этого командир понял, что дела совсем плохи. Еда есть, реактор работает, энергия есть. Система жизнеобеспечения работает без нареканий, но... лодка медленно погружается на дно, и спасения ждать неоткуда. По самым оптимистическим прогнозам им оставалось примерно две-три недели, пока лодка не коснётся дна. А при таких обстоятельствах реактор перестанет получать воду для охлаждения, произойдёт перегрев контура и...

Командир извлёк магазин. В очередной раз удостоверился, что патроны боевые, и вернул в пистолет. Он помнил, при каких обстоятельствах получил дорогой подарок.

В тот день, Щеглевых, месяц назад, получивший звание капитана первого ранга, прибыл к командующему флотом для нового назначения. Будучи последние три года старшим помощником командира атомной подводной лодки, он не без оснований рассчитывал, что есть шанс стать полноценным капитаном корабля. Звание, образование, а главное – опыт позволяли занять высокую должность, но как знал, свободных, без командиров лодок во флоте, где он нёс службу, не было. И тем более его удивил вызов командующего флотом к себе на личный приём.

– Не тянись, Степан Сергеевич, присаживайся, – начался разговор с командующим, – знаю, что желаешь повышения, но...

– Готов принять любое назначение, – как молодой матрос, подскочил с места Щеглевых. И ведь давно знакомы с командующим, учились вместе. Вот только он пошёл по другой стезе – стезе боевого офицера, а штабная работа Степана не прельщала. Тем более, непонятные перемены в армии докатились и до флота. Боевые учения с выходом на открытую воду, да что учения, боевые стрельбы проводились в последний раз полгода назад, и такие изменения не радовали Степана.

– Не ерпенься, присядь. Не в штаб тебя к себе зову. Знаю, что не лежит у тебя душа файлы из одной папки в другую пересылать. Но и не на курорт предлагаю ехать. Главное, не только я, но и ряд высоких товарищей считают, что достоин долгожданного повышения, – Щеглевых слушал командующего внимательно, перебирая в уме, какая из известных подводная лодка может ему достаться. Память услужливо подсказывала названия, характеристики и особенности известных ему атомных подводных лодок, но тут же на память приходило имя командира корабля и никто в ближайшее время, по крайней мере, из известных ему, не собирался покидать высокий пост ни по возрасту, ни по состоянию здоровья. – Что задумался? Гадаешь, что тебе предложу? Не гадай, всё равно мозгов не хватит. На заводе в Мурманске сейчас стоит после капитального ремонта и модернизации АПЛ «Воронеж», есть мнение назначить тебя командиром корабля. Ну как?

– Она приписана к другому флоту, к соседям.

– Так, я и говорил, что не на курорт тебя направляю. Жена согласится?

– Согласится, не в первый раз.

– Это правильно. Работа у нас такая. Ладно, вижу, что согласен. Но от меня тебе личный подарок – пожелание. Возьми...

Из воспоминаний выдернул настойчивый стук в каюту. Щеглевых спрятал оружие в стол.

– Войдите.

– Товарищ командир! Связь! Генштаб вызывает! – выпалил матрос, но Щеглевых, как был в одной рубашке без погон, так и выбежал из капитанской каюты. Бегом он преодолел расстояние до радиорубки. Матросы, что попадались на пути, замирали, пропуская бегущего командира, провожая заинтересованным взглядом.

– «Марлин-12» на связи, – позывным командира корабля, произнёс первую фразу Щеглевых, а получив ответ и кодовое слово – подтверждение, приосанился. На связи был лично министр обороны.

– Товарищ министр обороны, докладываю. Техническое состояние... – Щеглеватых говорил сухим военным языком, используя специфические термины, но в конце доклада не выдержал и спросил, – кто напал, товарищ министр обороны, североамериканцы?

А получив ответ, сник. К этому жизнь не готовила. Не было ни одной инструкции или плана мероприятий на случай вторжения инопланетного врага, а не доверять первому лицу военного ведомства у него оснований не было.

– Товарищ министр обороны, – без позывного, нарушая целый ряд инструкций, обратился Щеглеватых, – лодка сохранит плавучесть не дольше двенадцати суток. Потом накрёнется и с дифферентом на левый борт уйдёт на дно. Пока экипажу удаётся поддерживать плавучесть и горизонталь. Имеющийся дифферент на нос позволяет открыть огонь из оружия главного калибра. Пусковые шахты в исправном состоянии, но коды не работают, отсутствует целеуказание... Есть ждать в течение часа.

Щеглеватых положил тангенту на стол. Всмотрелся в лицо дежурного связиста. Все матросы и офицеры понимали, что если и поднимутся в ВСК на поверхность, то без посторонней помощи до берега не доберутся. Единственная надежда попросить помощи, но для этого нужна связь. И сеанс произошёл, но фактическое положение дел оказалось трагичнее, чем рисовала самая бурная фантазия каптри. Тем временем корабль продолжал пусть и медленно, но погружаться на дно.

– Оставаться на приёме. Я пришлю дежурного офицера...

– Товарищи, – в кают-компании собрался командный состав подлодки, – сегодня, как вы знаете, состоялся сеанс связи с Генеральным штабом, точнее, лично с министром обороны. И ситуация на поверхности, скажу честно, выглядит намного трагичнее, чем мы с вами предполагали, – слышался нечленораздельный гул, и кто-то из командиров БЧ встал, желая задать вопрос, – товарищи, тише. Не перебивайте, сначала я расскажу, что узнал во время сеанса, а потом отвечу на вопросы, если таковые возникнут, – применять превентивные меры, кричать, давить авторитетом в этих обстоятельствах, когда они заперты в ограниченном пространстве без фактической возможности на спасение, он посчитал неразумным. Нервы у всех напряжены, борьба за живучесть подводной лодки не прекращается ни на минуту, но они моряки-подводники, а в такие войска не берут за красивые глазки и это не только отличные показатели по здоровью, но и необходимо иметь определённый психологический фенотип, кардинально отличающийся от тех же матросов надводных кораблей. Ведь гипотетически подводная лодка, что уходит, погружается в агрессивную среду, разрывая все связующие нити с родной сушей, это, как и вышедший на орбиту космический корабль. В обоих случаях, случись чрезвычайное происшествие, никто не в силах будет помочь. И тогда на первый план выходит работа экипажа. Его подготовка, слаженность и совместимость. Гул постепенно стих, а командир продолжил:

– На нашу с вами планету совершено нападение, и я не оговорился. Враг пришёл оттуда, откуда не ждали. В день завершения учений на Землю напал инопланетный враг. Враг жестокий и сильный. Многие города разрушены... – говорить было тяжело, но капитан для себя принял решение рассказать всё, что известно из краткого разговора, – большинство воинских частей разбито в первую неделю вторжения, – продолжал он, – но часть успела укрыться под землёй и оказывает сопротивление. Война не проиграна, она продолжается, и немаловажная роль отведена нам, товарищи. Все вы знаете, что лодка погружается на дно. Борьба за живучесть не останавливается, но попытки заделать брешь в лёгком корпусе и главном балласте к положительному результату не привели. У нас осталось примерно десять дней, и никто нам не поможет, просто некому, – капитан выдержал недолгую паузу, всматриваясь в лица. То, что каждый для себя понял, но упрятал в дальние уголки своего сознания озвучено открыто, и надежда на чудо испарилась. У кого-то выражение лица поменялось, сделалось хмурым, кто-то продолжал с задумчивым видом слушать речь капитана. – Моря и океаны, – в абсолютной

тишине, продолжал командир подводной лодки, – не говоря про сушу, под контролем инопланетян. Нам, товарищи, личному составу АПЛ «Воронеж» лично от Президента получен приказ нанести массированный удар из всех шахт по намеченным объектам. Это крупные цели – инопланетные корабли, что базируются в разных точках Земного шара. Тем самым мы дадим сигнал к началу спланированного наступления во всём северном полушарии...

Собрание офицерского состава закончилось. В кают-компании остались помощник капитана, командир БЧ ракетного вооружения и сам капитан.

– Надо бы по громкой сообщить всем, – после продолжительной паузы, обдумав полученную информацию, предложил старший помощник.

– Я сделаю это перед запуском. Координаты получены?

– Так точно, – без бравады, но по Уставу ответил капдва, – коды введены, система их приняла. В последнем сеансе связи сообщили, что цели стационарные, залп по готовности. Ракетчики наземного базирования готовы к атаке. Как только наши ракеты стартуют, у них будет двадцать минут для пуска второй и, если повезёт, третьей волны. Всё равно раньше выходить на позиции, как пояснили, смысла нет.

– Всё так серьёзно? – уточнил капитан. На последнем сеансе он не присутствовал и подробностей не знал.

– Да. Поэтому позволили нам решать, когда начинать. Ждут только нас.

– Наша первая волна, – задумчиво произнёс командир, – тогда не будем откладывать, идёмте на ЦП². Оттуда и сообщу экипажу, и покинем лодку в ВСК.

– В ядерный ад? – усомнился старший помощник, – до берега сотня миль. Сами не доберёмся, а помощи точно не будет.

– У тебя есть другое предложение?

– Не знаю, товарищ капитан. Возможно, вы правы. Может, хоть кто-то спасётся...

– Капитан на мостике! – оповестил дежурный офицер.

– Вольно. Связь со всеми отсеками, – тут же распорядился капитан и ему подали тангенту. Говорить, не видя реакции слушателей тяжело, но он смотрел за реакцией дежурного матроса-акустика, что отвлёкся от выполнения своей задачи и один динамик ларингофона снял с уха. Явное нарушение устава, но капитан, не обратив на это внимания, продолжал:

– ...получен приказ и сейчас мы нанесём инопланетному агрессору удар. Нам поручена честь начать первую волну, за этим последует вторая и третья...

– Товарищ капитан первого ранга! Срочный вызов с БЧ-5! Приказ отменён, получен новый! – прервал капитана дежурный офицер.

² ЦП – Центральный пост.

Глава 3

Глаза открывать не хотелось, я так и лежал, прислушиваясь к ощущениям своего тела. Ничего не болело, сознание ясно. Мысли спокойные и умиротворённые. Послышалось тихое шипение открытия крышки медицинской капсулы. Не успел подумать, что эти черти не дали вот так спокойно полежать в неге, как услышал грубый голос, говоривший на незнакомом шипящем языке, но я его понимал.

– Что разлётся, вставай! Тебя ждут.

С недовольным, непонимающим выражением лица выбрался из капсулы. Меня действительно ждали. Среди тут же окруживших меня солдат-клонов заметил переводчика анторса.

– Удивлены, что понимаете наш язык? Но такова необходимость. Я или кто-то из моих коллег, владеющих вашим примитивным языком, отправиться на «Штоонсссáр» и предстать перед Советом в качестве переводчика не имеют возможности. Слишком много здесь дел, – тут анторс ненадолго задумался, видимо, решая, объяснить причину или нет, но заминка была недолгой, и он продолжил, – на днях начинается следующая фаза и у нас много работы. А на долгий срок отвлекать узкого специалиста от прямых обязанностей Верховный Представитель посчитал нерациональным. Так что по моей рекомендации приняли решение обучить нашему языку тебя. Предвижу вопрос и на него сразу отвечу, аналогичный способ обучения представителя нашей расы занимает длительное время, поэтому выбрали такой вариант. Ты рад, Глен? Или как тебя называть?!

– С-спасибо, конечно, – ответил, тщательно проговаривая фразы. Речевой аппарат не освоился с непривычным произношением. Язык не слушался и видя, как анторс поморщился, понял, что не всё так просто с произношением.

– Беглая речь и чёткость произношения нарабатывается практикой. И у тебя будет время потренироваться. Через пару ваших часов отправляется грузо-пассажирский корабль. Ему лететь три ашха – это, по-вашему, четыре дня. За это время освоишься с языком, чтобы не выглядеть совсем примитивным, правда, уроженец Горгогоханской империи? – переводчик пристально смотрел в глаза, а мне оставалось только догадываться, почему они до сих пор не уверены, кто я. Видимо, в состоянии психовозбудимости во время допросов я так и не ответил на этот вопрос, и их Одарённые также не пришли к единому мнению. Но вроде об этом мне говорили. Это частично объясняет, почему меня обучили языку, чтобы не терялся смысл слов при переводе. Ведь в каждом языке, в том числе на матушке Земле, есть множество слов в одном языке, которые невозможно перевести на другой или перевод будет занимать такой объём, что проще принять новое слово как должное. И такое нередко на Земле, а при встрече разных рас, абсолютно не связанных процессом эволюции, иным влиянием окружающей среды, другим путём развития цивилизации, различных и не всегда понятных социально-моральных норм и устоев, подобное сплошь и рядом. Да, я понимал переводчика. Он довольно неплохо изъяснялся и понимал меня, вот только когда отвечал идиомами, переводчик терялся. Это я помнил с первого своего допроса, а потом... Потом только сплошной затуманенный разум... Непроизвольно поёжился. Вычеркнутые из жизни часы, дни, недели.

– Сколько я здесь? – не обращая внимания на буравящий взгляд, задал вопрос.

– Пять ашхов прошло с твоей поимки, по-вашему, примерно неделя, – разочарованно ответил переводчик. Он всем видом показывал надежду, что в благодарность за излечение и обучение ему удастся разговорить меня и, наконец, узнать то, что в принципе я сам толком не знал. Как, по чьему велению сознание Глена оказалось в моём теле, почему оно не поглотило мою сущность, а слилось воедино с тем, кто два с небольшого десятка лет назад родился на свет. Или всё-таки я именно капитан Глен, только с новыми знаниями и опытом земной жизни?

– Одевайся, – протянули свёрток.

Одежда оказалась анторского покроя. На мой недоумённый взгляд, всё тот же переводчик пояснил:

– Перелёт долгий, а перед Советом надлежит представлять с безупречным внешним видом. Комплекты привычной тебе одежды подобрали и подготовили. И по прилёте дадут переодеться. А сейчас, одевайся...

Идя под конвоем коридорами, думал, что вновь запрут в камере, но нет. Меня сразу провели на готовящийся к старту корабль.

– Твоё место в центре, – произнёс не обычный конвойный анторс-клон, а истинно живой, что встретил нашу процессию возле трапа. – Справа и слева от тебя расположится охрана.

Я оглядел довольно просторную каюту, предназначенную для обитания шестерых. Два койко-места располагались возле выхода, три койко-места в одну линию возле противоположной стены и одно отдельно. Видно, что делали перестановку и освободили место от лишней мебели. Вещей-то у меня нет. И мне было всё равно, где приземлить свою тушку. Как только присел на кровать, тут же был прикован магнитными наручниками к поручню. Не скрываясь, попробовал, подёргал и получил несильный, но неприятный удар током.

– Не рыпайся, в каюте полетим не одни, – произнёс старший конвоя. – Корабль не чисто пассажирский, кают не хватает и... – тут конвойный сплюнул, – в нарушение всех инструкций полетим с пассажиром, хорошо хоть уговорил усилить охрану, так что не рыпайся. Всё равно бежать некуда. И у нас приказ стрелять на поражение, если что.

В каюту вошли трое. И как это меня оставили пусть и на непродолжительное время, но только с одним охранником? Понятно, бежать действительно некуда, но убить его, когда на короткое время оставался без сковывающих меня оков, вполне мог.

Двое из охраны расположились на местах справа и слева от меня. Двое, в том числе и старший из них ближе к выходу.

Лежал, пялился в потолок, а сам размышлял. При такой охране не убежать, вот только почему-то не хотелось представлять перед этим неизвестным Советом. Сейчас-то меня заштопали, привели тело и мозги в порядок, но как только вспоминаю о тех мучениях, что пришлось пережить, так в дрожь бросает.

– Добра и процветания семьям, – услышал голос, но переводить взгляд на говорившего не стал. Не до него. В уме рисовал один план фантастичнее другого. То я, перебив охрану, врываюсь в капитанскую рубку, захватываю управление и сажаю корабль где-нибудь в укромном районе. То, захватив корабль, направляю его на корабль-матку и разношу того вдрызг.

– И тебе процветания. Это ты с нами летишь, офицер? – анторсы продолжали негромко разговаривать, я все слова слышал, понимал, но они пролетали мимо ушей. Я лихорадочно искал выход из того тупика, куда сам себя загнал. Нет бы лучше погиб при отходе, но как случилось, так случилось. Все варианты захвата корабля откровенно являлись несбыточными. Слишком многим «если» и другим случайностям надлежит совпасть, вплоть до того, что девятью девятью процентов экипажа должно погибнуть внезапной смертью вместе с моей личной охраной, а с тремя, ну, в крайнем случае пятью, не особо подготовленными техниками-клонами я справлюсь.

– Да, офицеры, – продолжался разговор. – Смотрю, дезертира сопровождаете. Меня перед отлётом проинструктировали, что в каюте будет конвой, но разве приговор нельзя привести в исполнение на месте? Или он из влиятельной семьи?

– Много задаёшь вопросов, капитан. Как летается, всех аборигенов сбил?

– Всех, вот только и самому пришлось пострадать. После лечения в отпуск лечу, к семье. Как понимаю, свободная кровать моя?

– Проходи, располагайся, скоро взлетаем.

Послышались приближающиеся шаги, и я невольно перевёл взгляд на новое действующее лицо, и чуть не вырвал поручень с корнем, резко дёрнувшись, но получив ощутимый удар током охолонул. Всего в паре шагов от меня, возле соседней кровати остановился офицер – лётчик в парадной форме одежды, я понял это из обрывков разговора и из-за множества необычных финтифлюшек на форме, а вот его взгляд, полный ужаса, я был бы рад видеть несколько раз на дню.

– Офицеры, это же хоск! Вы знаете, что сопровождаете хоска?! – указывая на меня, закричал всё тот же знакомец.

Как же часто судьба меня с ним сводит, поразительно. Опять этот, названный мной Сашей, оказался рядом и в самый неподходящий момент. Я-то думал, что уж точно больше с ним не свижусь. Ведь долгими ночами, пока тело содрогалось, отходя от пыток, мысли столько раз рисовали красочные картины его убийства. Я его убивал и быстро, и медленно, и... в общем, по-всякому. А мысль, что, если повезёт и его встречу, помогала не потерять окончательно рассудок. Месть – это то блюдо, что подаётся горячим.

– Успокойся, капитан, – встрепенулись охранники, – мы знаем, кого сопровождаем, а вот остальным знать это необязательно, и поэтому лучше тебе не поднимать шум.

– Но он же... – заговорил, указывая на меня ашш Сошша Хааш, но объявление по кораблю заставило его замолчать.

«Всему экипажу и пассажирам. Старт через пять аханов. Всем занять свои места».

– Успокойся, капитан, вижу у тебя и боевые награды есть, и высокого ранга, так почему ведёшь себя словно солдат-первогодок перед первым выходом в открытый космос?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.